

215	0170-01	ИВАН ЕЛАГИН	“В моём театре”	Часть 1 “Амнистия”
216	0170-02	ИВАН ЕЛАГИН	“В моём театре”	Часть 2 “Зритель”
217	0170-03	ИВАН ЕЛАГИН	“В моём театре”	Часть 3 “Я тоже звезда”

“В моём театре” (Коренблит – Елагин)

Часть 2 “Зритель”

1(23). Может быть	– 1.21
2(24). У моря	– 1.22
3(25). На берегу	– 1.54
4(26). Тяжелые брови	– 1.20
5(27). Дымные глаза	– 2.06
6(28). Земные сокровища	– 1.40
7(29). В океане	– 1.17
8(30). У пристани	– 1.13
9(31). Замужней женщине	– 1.09
10(32). Поровну	– 1.11
11(33). Подведение итогов	– 2.02
12(34). Вспоминая Одиссея	– 1.58
13(35). Подстриженное дерево	– 1.40
14(36). Пролом	– 1.38
15(37). Счастливый потомок	– 1.42
16(38). Битники	– 2.30
17(39). Крылатая мишень	– 1.19
18(40). Склонившаяся Муза	– 0.51
19(41). В моём театре	– 2.20
20(42). Зритель	– 2.02
21(43). Художнику	– 2.07
22(44). Оптимизм	– 1.43
23(45). Смычок	– 1.35
24(46). Скрипач	– 1.36
<i>Общее время звучания – 39.36</i>	
<i>Общее время звучания – 1.54.24</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 “Зритель”

1. МОЖЕТ БЫТЬ

Может быть – мучение,
Может быть – прощание,
Для волны – свечение,
Для звезды – качание.

Месяца горение
Над леском проселочным
Дереву ранением
Кажется осколочным.

Может быть, для гения
Означает творчество
Судорогу жжения,
От которой корчатся.

Может, наказания
Мера наивысшая –
Не четвертование,
А четверостишие.

Все на свете мучится,
Что красую светится;
Этим свет и крутится,
Этим свет и вертится.

2. У МОРЯ

Алебастром сверкает гостиница,
А вокруг нее пальмы павлинятся

И, качаясь по ветру размашисто,
Синевою небесною мажутся,

И дрожит над своими пожитками
Море, шитое белыми нитками.

А над морем, над пляжем, над пальмами
Ходит солнце – охотник за скальпами,

Озирается, по небу ходючи,
И ножи его блещут охотничьи...

И лежу я под пальмами этими,
Говорю я с тысячелетьями,

С ветром, солнцем, и морем, и сушею,
И что мне говорят они – слушаю.

3. НА БЕРЕГУ

Тут волна ко мне подходит вкрадчивая,
Камушки у ног переворачивая.

Тут волна ко мне подходит палевая,
Легкой-легкой пеною заваливая.

Тут волна ко мне подходит ласковая,
За собою водоросли втаскивая.

Поутру вода тут малахитовая,
И песок вздыхает, воду впитывая.

Вечерами тут волна агатовая,
Набегает, брызгами окатывая.

Мне отсюда уходить не хочется.
Берег, как большое одиночество.

4. ТЯЖЁЛЫЕ БРОВИ

Как мятежники держат ружье,
Так вы держите гнев наготове.
Оттого и на сердце мое
Замахнулись тяжелые брови.

Оттого ваше темное «эл»
Так на «ве» временами похоже,
Оттого я был с вами несмел,
Может быть – и любил оттого же.

Опоздавшее сердце, ржавей!
Вы от жизни моей отойдете,
Но размах этих долгих бровей
Я запомню, как птицу в полете.

5. ДЫМНЫЕ ГЛАЗА

У вас в глазах то робость,
То озорство, то страсть.
У вас глаза, как пропасть,
Где так легко пропасть.

Они у вас туманны,
И чуть блестят они.
У вас глаза – капканы,
Ловушки, западни.

Там вспыхивает шатко,
Там прячется, скользя, -
Решимость и оглядка,
И можно, и нельзя,

Открытость и рисовка,
Отчаянье и блажь –
Глаза, как маскировка,
Глаза, как камуфляж,

Как лунных два осколка,
Как дымных два цветка,
И целятся недолго,
И бьют наверняка.

Они у вас бездонней
Всех омутов и рек,
У вас в глазах – погоня,
У вас в глазах – побег.

И собственному сердцу
Я говорил не раз,
Что мне не отвертеться
От ваших дымных глаз.

В них темный ветер риска,
В них сам себе я снюсь.
Когда-нибудь я низко
Над ними наклонюсь.

6. ЗЕМНЫЕ СОКРОВИЩА

Их было много – золотистых ливней.
Тебя ломали страстные струи,
Но с каждым днем глядели все наивней
Глаза ошеломленные твои.

Я шел на них! И падал под ударом!
(Господь, глаза ее умилосердь!)
Так тянутся к автомобильным фарам,
Несущим ослепительную смерть.

Я шел на них! И ветер плыл гигантом
И оставлял на мокрых тучах шрам,
И в сумерках бродячим музыкантом
Ходила осень по пустым дворам.

Я знал, что поздно! Знал, что ставка бита,
Что счастье изменяет игроку!
Но я бросался счастьем под копыта,
Чтобы остановить на всем скаку!

И знал: его уже не остановишь!
Мелькнет! Ударит! Рухну! Наповал!
Из всех небесных, всех земных сокровищ
Я только глаз твоих не целовал.

7. В ОКЕАНЕ

В океане сумрак долог,
Но у мачты нам светло!
Месяц – зеркала осколок,
Парус – белое крыло!

По расшатанным помостам
До снастей добрались мы!
Видишь – волны тост за тостом
Подымают у кормы?

Ни земли, ни скал, ни мелей,
Ни огня, ни корабля...
Только темных ожерелий
На груди твоей петля!

8. У ПРИСТАНИ

Там улица кончалась. Там
Река поблескивала снизу.
Луна с карниза по карнизу
Плелась за нами по пятам!

И лестница упала там
 До самой пристани, до самой
 Волны сутулой и упрямой,
 Надоедающей бортам.

А мы стояли у перил,
 У срезанного края кручи,
 А ветер тучи перерыл
 И посбивал деревья в кучи.

И прядь волос – твоих волос –
 Мне ветер даровал как милость...
 Как время не остановилось?
 Как сердце не оборвалось?

9. ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЕ

Все мудро устроено в мире, -
 И то, что замужем ты,
 И то, что в твоей квартире
 Стоят на столе цветы.

И то, что, придя с работы,
 Твой муж находит уют,
 И то, что эти заботы
 Встречаться нам не дают.

Но если при редкой встрече
 Ты мне кивнешь на ходу,
 Я эти глаза и плечи –
 В глубокую память кладу.

Я счастлив. И нет мне дела,
 Что меж нами преграды одни...
 Как бы ты мне надоела,
 Если бы не они!

10. ПОРОВНУ

Что стоишь ты в стороне?
 Что ты смотришь в сторону?
 Обо всем поведай мне,
 Все разделим поровну...

Знать, последняя весна
 И тебя состарила...
 Вот уже и седина
 По вискам ударила.

Как тебя я уводил,
 От людей выкрадывал –
 Ветерок не находил,
 Месяц не подглядывал!...

Что стоишь ты в стороне?
 Что ты смотришь в сторону?
 Обо всем поведай мне,
 Все разделим поровну...

11. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Что вспоминать? Плакать о чём?
 Над головой – темная высь.
 В сон уходя, теплым плечем
 Ближе ко мне ты приможись.

Мысли бегут быстро, как дым.
 Где-то с небес валится гром.
 Слышу, как в лад с сердцем твоим
 Сердце мое бьет под ребром.

Нас на часов шесть или семь
 Запорошит сонной пургой.
 И до утра где-то совсем
 Мы на звезде бродим другой.

Может быть, там, в звездной пыли,
 Я, наконец, что-то пойму.
 С правдой земли, с ложью земли
 Сладить уму не моему.

Длинная жизнь! Сколько ночей,
 Дней, вечеров, сумерек, зорь.
 Лучше, мой друг, с ходом вещей
 Ты на земле больше не спорь!

Я написал несколько книг,
 Все о себе, о прожитом,
 Только пора мне напрямик
 Честно сказать людям о том,

Что у меня важный пробел,
 Что у меня крупный провал,
 Что я на мир жадно смотрел,
 А понимать – не понимал.

12. ВСПОМИНАЯ ОДИССЕЯ

Где-то вверху, за холмы уходя,
 Гром грохотал тяжело.
 Шлепают крупные капли дождя
 О ветровое стекло.

Может быть, так же, сквозь дождь, Одиссей
 В море смотрел с корабля.
 Кинулась сразу машиною всей
 Мне под колеса земля.

Крупные капли дождя тяжелы,
 Наискось бьют по стеклу.
 Сосен стволы выплывают из мглы
 И уплывают во мглу.

День, поскорее приди и рассей
 Этот ненастный покров.
 Может быть, так же кружил Одиссей
 Возле чужих островов.

Верно, казалось, что рядом встают
 Стены Итаки во тьме.
 Моря ночного чудовищный спрут
 Ерзал уже по корме.

С шумом и там подымались и тут
 Щупальцы смерти самой.
 Но хорошо, что хоть в песнях поют,
 Что он вернулся домой.

13. ПОДСТРИЖЕННОЕ ДЕРЕВО

Всё, кажется, в полном порядке.
 Не злюсь я на долю мою.
 Подстриженным деревом в кадке
 У двери вокзальной стою.

В клоках паровозного дыма
 Снует по перрону народ.
 Иной пробегающий мимо
 Мне в кадку окурков швырнет,

Иль старую бросит газету,
 Иль кинет пустой коробок...
 Но вот уже слышится где-то
 Последний, прощальный звонок,

И в арке ночного пролома
 Вагоны исчезнут за тьмой.
 Одни уезжают из дома,
 Другие приедут домой.

И мне бы усталые корни
 В родимую землю уткнуть,
 И мне бы огонь семафорный
 И рельсовый сказочный путь.

Узнал бы, как в деле проворен
 И как беспощадно остер,
 Срубая деревья под корень
 Гуляет родимый топор.

14. ПРОЛОМ

Пробивают в асфальте дыру
И сажают в нее деревцо,
Чтоб шумело оно на ветру
И кидало мне листья в лицо.

И окно пробивают в стене,
Чтобы вставшая из-за моста
До рассвета качалась в окне
Голубая большая звезда.

Видно, так на земле повелось, -
У художника та же судьба:
Пробивают нам душу насквозь,
Чтоб запела душа как труба.

Птица бьет изо всех своих сил
Против ветра упрямым крылом.
Бог вселенную всю проломил,
Чтобы небо поставить в пролом.

15. СЧАСТЛИВЫЙ ПОТОМОК

Обернёмся на минуту,
Прошное подстережем.
Рубят голову кому-то
Гильотиною-ножом,

И в кого-то с иступленьем
Загоняют штык насквозь –
Чтоб грядущим поколениям
Очень счастливо жилось.

Так во имя светлых далей,
Под всемирный визг и рев,
В море Черное кидали
Офицеров с крейсеров.

А теперь мы время сплющим,
В день сегодняшней войдя:
Поколением грядущим
Вдруг оказываюсь я.

И выходит, как ни странно, -
Все стряслось из-за меня:
Трупов целые монбланы
И великая резня.

Шли кромешной чередою
Эти черные дела,
Чтобы жизнь моя звездой
Небывалой расцвела.

Чтобы стал мой жребий светел,
 Чтобы мне удач не счесть!
 Может быть, я не заметил?
 Может, так оно и есть?!

16. БИТНИКИ

Вихлясты, расхлябаны,
 Клокасты, нечесаны,
 С такими же бабами
 Простоволосыми,
 Нахохленные, как сычи,
 Шляются бородачи.

Видно, такая мода,
 Видно, такой фасон,
 Что мордой он – Квазимодо,
 А волосней – Самсон!

Вот он, мой современник,
 Глубокомыслен, как веник.

Он и его Беатриче
 Поклялись друг другу не стричься!

В этом и шик модерный,
 Чтоб выглядеть попещерней!

Звонче, гитара, тренькай –
 Станем на четвереньки!

А какие-то профессора
 Квохчут, вздором научным потчуют:
 «Время кризисов» et cetera,
 «Социальный протест» и прочее,

И выходит, что волосатость
 Чуть ли не философский статус.

До коленных суставов вытянись,
 Подбородочная растительность!

Объявляю – я тоже битник
 Из самых из первобытных:

Я ратую горячо
 За шкуры через плечо,

За набедренные повязки
 Ослепительнейшей раскраски,

За дубины и за костры,
 За каменные топоры.

Объявляю, что я поборник
Запрещения всех уборных –

Социальный во мне протест
Против отхожих мест!

Я к природе, к земле влекусь,
И меня вдохновляет куст!

Взъерошенные, как птахи,
На скамьях сидят неряхи.

Но все ж восседают парами,
Целуются все ж по-старому,

Смеются, друг дружке нравясь,
Трещат – разорви их атом, -
И во мне накапливает зависть
Лысого к волосатым.

17. КРЫЛАТАЯ МИШЕНЬ

Другим пусть кажется завидным
Спешить всю жизнь из края в край,
А мне сидеть бы дома сиднем –
Где вырос, там и помирай.

С тех пор, как журавлиной тягой
Несет по тысяче дорог,
Душа горюет доходягой
За темной проволокой строк.

С тех пор, как птичьим всполошеньем
Куда-то вечно тянет в путь,
Живу крылатую мишенью,
Пока подстрелит кто-нибудь.

18. СКЛОНИВШАЯСЯ МУЗА

Горят за окнами напротив
Алмазы звездного ковша.
Над лирой, брови озаботив,
Склонилась Муза, не дыша.

На человеческую ложь
Обрушья огненным тайфуном,
И в этом хаосе подлунном
Сердца и кровли растревожь!

За жизнь, растраченную наспех,
За слезы в каторжном пути –
Гори в непримиримых распрях,
Земле и людям отомсти!

19. В МОЁМ ТЕАТРЕ

Я сегодня за широким столом,
Я сегодня у себя в мастерской,
По соседству у меня за углом
Начинается бедлам городской.

Только мне на это все наплевать,
И мне грохот никакой нипочем!
Я сегодня расставляю опять
Декорации в театре моем.

К дому дерево подвину сперва,
Все черным оно черно от дождя,
А верхушка – ни жива, ни мертва –
Пусть качается, тоску наводя.

Вдоль по улице пуцу я трамвай,
В небе провод протяну навесной –
Ну-ка, занавес давай-подымай,
Я на сцене появляюсь ночной.

Мне казалось, что сценарий хорош,
Что я знаю свою роль назубок,
А как в роль эту вживаться начнешь –
Норовишь куда-то вкривь или вбок.

Прихожу я от волнения в раж,
Постановку всю как есть погубя,
Забываю я, что я – персонаж,
И играю самого я себя!

Вон и критик, недовольный игрой,
Сокрушительные громы низверг
И вопит, что настоящий герой
Всей душою порывается вверх!

Под стеклянным я большим колпаком,
В безвоздушном я пространстве повис,
И конечно, в положеньи таком
Непонятно мне, где верх, а где низ.

Не за роль же приниматься опять
И чужую пересказывать страсть,
Когда нечем мне не только дышать,
Но и некуда мне даже упасть.

20. ЗРИТЕЛЬ

Вверху хрусталем и хромом
В антракте зажгли звезду.
Раскланиваюсь со знакомым
В четырнадцатом ряду.

А сцена пуста. Не там ли,
Вперед наклонясь чуть-чуть,
Просил Офелию Гамлет
В молитве его помянуть?

Я страх почувствовал некий,
Что Гамлет просил о том
Уже в семнадцатом веке.
Попросит в двадцать шестом.

И перед этою тайной,
Что столько веков живет,
Я – только совсем случайный,
Незначущий эпизод,

И что искусство мудрее
Во многом жизни самой,
И что костюм устареет
Не гамлетовский, а мой.

Что здесь, у самого края
Сцены, живущей века,
Зрителя я играю,
И роль моя коротка.

21. ХУДОЖНИКУ

Я скажу языком неположенным,
Да и слов не хочу я возвышенных.
Называть тебя мало художником –
Поджигатель ты и злоумышленник!

Потому что не кистью, не краскою –
Головешками воспламененными
Петуха подпускаешь ты красного,
А зовешь его «Вазой с пионами».

А на этот пейзаж посмотрите-ка –
Что за пламя в осенних кустарниках!
Приглашать сюда надо не критика –
Вызывать сюда надо пожарников!

Медь какого-то чайника старого,
А такое сверкание чертово!
Это ты поразбрасывал зарева
На свое полотно натюрмортово!

На холсте, как в драконовом логове,
Польхает пунцово, гранатово, -
Это ты со своими поджогами
Начудил у сарая дощатого.

И не ты ли – все тюбики по боку -
 И собравши всю силу огромную,
 По закатному беглому облаку
 Саданул зажигательной бомбою?

Вон и поле с коровою рыжею,
 Как с костром, на дороге разложенным...
 Оттого-то и смысла не вижу я
 Называть тебя просто художником.

А захочется стать мне законником
 И названьем блеснуть обстоятельным –
 Назову тебя огнепоклонником,
 Поджигателем, бомбометателем!

22. ОПТИМИЗМ

Ещё много хороших вещей на земле,
 Ещё вздыблена лошадь с царем на скале,

Разлетается тога с царевых плечей –
 На земле еще много хороших вещей.

Декорации брошью блистают во мгле,
 Еще много хороших вещей на земле.

Приготовлены строго смычки скрипачей –
 На земле еще много хороших вещей.

Гумилев и Волошин, Вийон и Рабле,
 Еще много хороших вещей на земле,

И высокого слога не сохнет ручей.
 На земле еще много хороших вещей.

Еще много хороших вещей на земле –
 И рассвет, что ерошит листву на ветле,

И взлетают со стога десятки грачей.
 На земле еще много хороших вещей.

Я целую ладошки твои в полумгле.
 Еще много хороших вещей на земле.

Обжигай, недотрога, меня горячей.
 На земле еще много хороших вещей.

И душистый горошек стоит в хрустале –
 Еще много хороших вещей на земле.

Еще много у Бога и дней, и ночей.
 На земле еще много хороших вещей.

23. СМЫЧОК

Вот вечер – медлит и плывет
И облака смешные лепит,
И кажется – луна вот-вот
За крышу здания зацепит.

А рядом музыка. Томят
Смычка невидимые взлеты,
И на балконе воздух смят
Волной вибрирующей ноты.

Смычок занесен в высоту!
Иль ты не видишь - в скачке дикой
Огромный всадник на лету
Застынул с вытянутой пикой?

Стоим, дыханье затая,
Пока не сгинет всадник где-то,
Как будто наша жизнь воздета
На острие его копья.

24. СКРИПАЧ

Звуки тончайшей выточки
Соскальзывали с плеча,
Как будто тянул он ниточки
Из солнечного луча.

Лежала на скрипке щека еще,
Дрожала еще рука,
И звук всплывал утопающий
За соломинкою смычка.

И ноту почти паутинную
Он так осторожно сужал,
Что скрипка казалась миною,
Которую он разряжал.